

В апрельском номере 2011 года журнал опубликовал главы из работы известного церковного деятеля архимандрита Тихона (Шевкунова). В том же году книга вышла отдельным изданием. И сразу вызвала широкий читательский отклик — писали в редакцию, автору, оставляли записи в интернете. Публикуем наиболее интересные отклики.

О МИРЕ, О ЦЕРКВИ, О ЛЮДЯХ...

КНИГА О БОГЕ И ДОБРЫХ ЛЮДЯХ

Не побоюсь сказать, что только что вышедшая из печати книга архимандрита Тихона (Шевкунова) “Несвятые святые” и другие рассказы” — являет собой замечательный образец подлинно православного современного литературного творчества. Книга эта не только духовно поучительна, не только исполнена предельно человеческого — христианского! — внутреннего благородства и самой искренней любви ко всем ее персонажам, но и попросту увлекательна, интересна своими сюжетами.

При этом в ней равно выразительно присутствуют яркие образы как известных наших подвижников — представителей псково-печерского монашества: отцов-архимандритов — Иоанна (Крестьянкина), Серафима (Розенберга), Нафанаила (Поспелова), “Великого Наместника” о. Алипия (Воронова), схимигмена Мелхиседека, так и, казалось бы, более “обычных” — и монашествующих, и “мирских” — священников и самих “мирян”.

Просвещенные благодатию Божией “лики” этих и подобных им “несвятых святых”, сияющие нам со страниц книги; живая, но всегда спокойная и ясная русская речь — при изложении автором порой даже весьма острых житейских коллизий, но главное, духовная правда Христова о Церкви и нашей церковной жизни, — все эти характернейшие черты свидетельствуют о том, что архимандрит Тихон явно опирается в своих новеллах и очерках на традицию классической русской христианской литературы — от Лескова и Чехова до Шмелёва и Зайцева... И потому его новая книга окажется, безусловно, интересной как для всех, уже находящихся в ограде церковной, так и для тех, кто, — любя русскую речь, — ещё только интересуется христианством и православной жизнью России.

Основополагающая сквозная, самая животрепещущая тема этого литературного труда — тема Промысла Божьего — явно самая дорогая для автора. Как пишет он в самом конце книги: “...В часы, когда тягучее уныние подкрадывается и хочет заполнить душу, когда то же происходит с близкими мне людьми, я вспоминаю события, связанные с чудным Промыслом Божиим. Один подвижник как-то сказал, что всякий православный христианин может поведать свое Евангелие, свою Радостную Весть о встрече с Богом... мы, хоть и немощные, грешные, но Его ученики, и нет на свете ничего более прекрасного, чем созерцание поразительных действий Промысла Спасителя о нашем мире”.

О таинственном и в то же время самом наиреальнейшем чуде этой постоянной промыслительной заботы Христовой о всех нас, Его чадах, рассказывается на многих страницах книги: по сути вся она и есть – живое свидетельство об этой неизменной заботе Творца о Своём, – то святом, а то и непутёвом по греховности воли, – творении.

Что ж, нам дарована Богом свобода воли – и потому нередко Любовь Божия остаётся, увы, безответной... Однако можно быть уверенными в том, что благодаря книге отца Тихона многие задумаются над такой своей безответностью, а некоторые наконец и устыдятся её.

Второй важнейшей темой книги является феномен монашества – как самого последовательного, самого деятельного и – явственно для автора – самого (вновь употреблю недавний эпитет!) радостного рода христианской деятельности на нашей грешной земле...

Начинается монашеский путь, естественно, с послушничества. И потому будущий читатель может представить себе (что затем и обнаружит, действительно, в этой книге), сколь высоким оказывается предлагаемый нам автором образ монашества, если даже о начале его – послушничестве – он пишет следующее: “Упоительное ощущение безмятежного счастья и свободы, которую никто не может отнять, осознание предельной защищенности в этом мире, потому что Бог Сам взял тебя за руку и ведёт к необычайной, ведомой лишь Ему цели, – вот что составляет неповторимое состояние послушничества. Это состояние проходит. Но, говорят, после долгих лет подвижничества оно возвращается в умноженной силе и в умудренном духе”.

Причём стоит подчеркнуть, что всё это “упоительное ощущение” для подлинного послушника имеет обычно место вовсе не в тиши некоей романтической “кельи под елью”, а, например, для того же отца Тихона соседствовало с трудами на монастырском скотном дворе, где он нёс свое послушание – убирал падающий долу коровий навоз...

В итоге же, вспоминая первые годы своего пребывания в Псково-Печерской обители, отец Тихон с благодарностью пишет: “Восхищаясь... печерскими отцами, мы, послушники, мечтали во всем подражать им. Даже проходя по монастырским коридорам мимо келий старцев, мы с благоговением и страхом замолкали: за этими дверями совершались невидимые битвы с древними силами зла, рушились и созидались вселенные!”

Но ведь и им – и самому отцу Тихону, и его друзьям-послушникам – пришлось в свое время (и каждому в свою меру) участвовать в битвах с “миром” (порой даже и с любящими родителями) за своё право стать монахами. Как вспоминает автор: “... в монастырь мы в начале восьмидесятых годов не ушли, а сбегали. Думаю, нас считали немножко сумасшедшими. А иногда и не немножко. За нами приезжали несчастные родители, безутешные невесты, разгневанные профессора институтов, в которых мы учились... мы... бежали из ставшего бессмысленным мира – искать вдруг открывшегося нам Бога, почти так же, как мальчишки убегали юнгами на корабли и устремлялись в далекое плавание. Только зов Бога был несравненно сильнее. Преодолеть его мы не могли. Точнее, безошибочно чувствовали, что если не откликнемся на этот зов, не оставим всего и не пойдём за Ним, то безвозвратно потеряем себя. И даже если получим весь остальной мир со всеми его радостями и утехами – он нам будет не нужен и не мил”.

Почему всё так – и рассказываете в этой книге. Причём рассказывается предельно естественно, без встречаемых порой в церковной литературе “дежурных” елейности и “благочестивого” надрыва (даже когда повествуется о многих чудесах, свидетелем или прямым участником которых оказался сам автор), без каких-либо инвектив и алармизма, здраво и спокойно, а главное, с чувством благодарности за всё – и Богу, и добрым людям.

Именно эта благодарность и есть самая суть и христианский смысл, самый непосредственный источник всего благодатного содержания этой интереснейшей – духовно поучительной и жизненно оправданной реальною жизнью в Боге – новой книги архимандрита Тихона.

Настоятельно советую: прочитайте ее и вы – приобщитесь к истинной радости, – радости о Господе нашем и верных Ему чадах, “несвятых святых” России последнего полувека.

Диакон Георгий Малков

“ОДНА ЭТА КНИГА СТОИТ СОТЕН ЛЕКЦИЙ И ПОУЧЕНИЙ...”

Какое же чудо эти рассказы! Что за слог! Что за образы! У каждого, кто открыл эту книгу, вырвать её из рук уже невозможно до последней страницы! Удивительно, как в изящных маленьких зарисовках и автобиографических заметках о своём монастырском послушничестве, исполненных и почитанием, и доброй иронией, в образах людей, которые могут показаться кому-то нелепыми чудачками или даже самодурами, автор открывает перед нами такой чудный мир!

В книге архимандрита Тихона совсем нет искусственной романтизации архаики или нарочитого любования опрощением жизни, свойственных показной интеллигентской религиозности. Нет, этот мир прекрасен тем, что в нём расчищено главное в человеке. Он поражает тем, что, отрекаясь от гордыни, человек вовсе не лишается своей неповторимости во всём – и в своём пути к Богу! Чудесным образом этот мир вдруг оказывается близок, в нём вовсе не ангелы, а люди, живые-преживые, и мир этот вовсе не отпугивает, а притягивает!

Но главное, чем этот мир предстаёт почти волшебным, хотя в нём в ватниках убирают лепешки из-под коровы, которая иной раз бьёт прямо в лицо нерадивому послушнику измазанным навозом хвостом, – это своим светом, добротой, любовью и чистотой, полной освобождённостью от порабощения неприглядной действительностью нашей жизни! Да ещё какой действительностью – сугубо враждебной особенно монашеству – давнему предмету ненависти русских атеистов, отказывающихся, как Иван Карамазов, верить в Бога Всемилостивейшего и Милосердного. Вот где подлинная свобода – свобода внутренняя, никому неподвластная... Как же пронзительно встаёт здесь евангельское: “И познайте Истину, и Истина сделает вас свободными”!

Обитель, в которой нынешний архимандрит Тихон провёл свои послушнические годы, выстояла в течение всех гонений на Церковь. Выдержала она даже хрущёвскую “оттепель”, которая оттепелью была лишь для нынешних либералов, а на деле была очередным погромом трёх столпов России и русской жизни – церкви, деревни и армии.

Гонимые и притесняемые во всём, отвергающие всем сердцем и духом самую суть атеистической картины мира, эти хрупкие старики и юноши были смелее и честнее прославленных диссидентов, не гнушавшихся помощью открытых внешних врагов России.

Эти же монахи не утратили ни любви к Отечеству, пребывавшему, по их мнению, в чудовищном греховном соблазне, ни к обычному советскому человеку, иной раз бестактному по отношению к ним – кротким, и наивным, как дети... И не было и нет никакой силищи, способной сокрушить самодержавие духа этой кроткой, тихой, безобидной, нищей братии... Именно их надмирное самостояние было той незыблемой скалой, о которую безуспешно разбивались потуги выкорчевать веру и русский дух! Вот уж кому вовсе не надо выдавливать из себя по капле раба! Ведь они и были по-настоящему СВОБОДНЫМИ!

Для читателя, незнакомого с жизнью церковных людей и, тем более, монастырей, захватывающе интересным окажется всё, так непохожее на ёрнические мифы о Церкви и монастырях. Сколько среди этих монахов высокообразованных тонких умов! Но не только они, но и не имеющие формального образования мудрецы поражают глубиной суждений и советов, способностью чувствовать Промысел Божий. Но при этом как прямо и тепло описаны все они – как живые люди со всеми своими особенностями и недостатками, они не иконы, но именно “несвятые” святые – точность названия поразительна!

Мир, далёкий для нас – мирян, вдруг становится совершенно понятным, в который невольно осмеливаешься попробовать поместить хотя бы мысленно себя – это наш Богоданный мир, в котором, став ближе к Богу, становятся ближе и друг к другу. И тут вдруг вспоминаешь, недаром же после Причастия хочется всех обнять!

А каковы описанные с блеском настоящего литературного пера прямо гоголевские характеры! Есть там и “очень вредный” отец Нафанаил в рваном подоле и с мешком сухарей вперемешку с монастырской казной на плече, способный поспать в сугробе, устроить хитрости и маленький спектакль, чтобы не отдать на пустое монастырские денежки, и даже подстроить короткое замыкание, чтобы не пустить в свою келью самого наместника. Ему противоположность – буйного нрава и скорый на наказание наместник Гавриил, потом считавший самыми счастливыми и близкими к Богу годы своего собственного наказания и взыс-

кания. Рядом с простой, вынесшей бесчисленные лишения, испытания, но сохранившей реликвию преподобного Серафима Саровского схимонахиней Фросей, — выпускники университетов, прочитавшие Гегеля и Маркса и отринувшие жизнь как "... способ существования белковых тел" (Ф. Энгельс).

А каков мощный красавец — отец-наместник Алипий, боевой офицер, герой Великой Отечественной, отбравший министра культуры Е. Фурцеву не церковнославянским, а таким солдатским словом, что та завизжала и забила в истерике прямо в монастырском дворе, куда явилась публично перед братией пристыдить "советского офицера", ставшего "мракобесом"...

А гугнивый монах, отсидевший в лагерях за веру и заразившийся от сокамерников-уголовников тюремным жаргоном, от которого у наместника "уши вяли"?

А сколько там поистине сказочных, но совершенно истинных происшествий, случившихся с самим отцом Тихоном не иначе как по Промыслу Божию, и сколько забавного и почти невероятного! Да уж, читатель, даже приступивший к этой книжке со скепсисом, не заскучает.

В этих коротких и совершенных по литературной форме и эстетике рассказах удалось через малое сказать так много о большом! Сам архимандрит Тихон в рассказах везде остаётся именно послушником и не скрывает много забавного и очень жизненного о себе и полумальчишеском скепсисе и сомнениях на своём пути. Когда сегодня ставший отцом-наместником Сретенского монастыря архимандрит Тихон уже многих своих печерских наставников перерос и сам является наставником и духовным отцом очень многих и многих ярких и незаурядных людей, особенно трогательны его бережное почитание и неизбывная благодарность к той лестнице, которой стала для него Псково-Печерская обитель...

Это не текст, отредактированный для придания ему обучающей назидательности. Наоборот, читатель совершенно незаметно погружается в греющие лучи воспоминаний, чуть разорванные светлыми облаками.

И в этих тёплых добрых лучах начинаешь сам улыбаться и вдруг обретаешь такое умиротворение, такое равновесие, такое спокойствие за завтрашний день, что диву даешься. Вдруг ощущаешь, что с Богом все под силу!

Ведь превратила же братия монастырь в благоухающий ухоженный цветник. И сделали это не флористы сада Версаля, а монахи, что слаще морковки в буквальном смысле ничего не видели! Красота в душе породила красоту дел. Так неужели мы не сможем расчистить нашу Россию и нас самих? Можно, только, как сказал старец Серафим, "нужно лишь наше собственное "произволение", которого мало осталось. После этих рассказов о "несвятых святых" закрываешь книгу исполненный не просто "утешения, а новых сил к жизни" — как это случилось, по рассказу архимандрита Тихона, с людьми после посещения отца Иоанна Крестьянкина... И руки, было опустившиеся от уныния, вдруг поднимаются.

В этих рассказах столько жизни и занимательности и, наоборот, никакого приторного умиления, которым наполнены православные издания "для семейного чтения", воспевающие Домострой и постную крестьянскую стряпню XVI века из уже несуществующих продуктов. Без тени назидательности одна эта книга есть миссионерская глыба и стоит сотен лекций и поучений...

Наталья Нарочницкая

ИДТИ ПУТЁМ ИСТИНЫ И ЖИЗНИ

Архимандрит Тихон Шевкунов написал православный бестселлер.

Профессор Нарочницкая говорит, что не спала ночь, увлекшись чтением. Как я её понимаю! Три раза смеялась — до колик. Два раза плакала, уткнувшись в подушку. От счастливого горя. От трезвого счастья. Моей веры.

Первая "пыльца" собранных смыслов — это же абсолютная правда. Без малейших прикрас.

Над текстами о Церкви часто довлеет позапрошлого века традиция — обо всём говорить причесанно, общо, пристойно, безпроблемно, вычищая все недостатки. Ну ладно, в XIX веке роль усредняющего ри-райта, похоже, игра-

ла цензура, а сегодня он зачем, уныло рассуждаешь, закрывая очередную книгу и опасаясь, что традиция станет эталонной. . .

Но к нашему общему счастью появилась не подлежащая никакой “благолепной” редакции и написанная абсолютно авторски книга отца Тихона. Всё в ней дышит личным опытом и пронизано авторским стилем, причем стиль не уступает лучшим рассказчикам века.

Церковный опыт автора начался с послушания в монастыре. Интеллигентный московский мальчик, вгиковский студент, чистил выгребные ямы и убирал за коровами лепёшки. Уставая до слёз. Огорчаясь до слёз. Автор специально не педалирует, но по всему видно, сколько шероховатостей, заноз, колючек, ран от гвоздей нёс в себе опыт монастырского общежития. Но каким-то необыкновенным и целительным образом он перетекал не в обиды, не в саможаление, не в привычное индивидуалистическое чайльд-гарольдство, а в такое незнакомое и в такое странно знакомое смирение и послушание.

И вот когда изнутри такого опыта, в котором “за всё заплачено”, человек начинает говорить о “мире невидимом” как о само собой разумеющемся, он становится само собой разумеющимся и для читателя. Любой спор и недоверие почти автоматически обрекаются на глупость. Ты грешишь не против навязываемой тебе сверху истины, а против вкуса. Вкуса правды.

Но настоящий секрет книги не во множестве чудес и явленности прямого действия Божия в человеческой судьбе, а в том, что в ней представлены невероятные личности. Эта очень высокая “личность” как героев, так и авторского видения делает рассказанные им истории незабываемыми притчами.

Героями этих притч помимо великих старцев, казначеев и наместников становятся Булат Окуджава, Сергей Бондарчук, Андрей Битов, тёща маршала Жукова, вчерашний высокопоставленный начальник и его дочь, автор всем известных ныне песен иеромонах Роман, генеральный прокурор, притворившийся монахом воришка и посещавший Печоры с визитом президент Ельцин. . . И понимаешь: вот уж точно нет в вере и Церкви ничего анахронического и маргинального – сердцевина человеческой жизни.

При этом всё время трезвящая нота правды, и “тексты акафистов не совершенны”, и “характер (у наместника) не лечится”. . .

Я думаю, что именно такого рода книги обезоруживают противников веры, чья позиция чаще всего держится на предубеждении, что Церковь манипулирует людьми (“морочит людям бошку”, как любит говорить один мой знакомый интеллеktуал). Опыт жизни, полный жажды, вопросительности, страданий, исканий, и вместе с тем обычных слабых человеческих движений души, стремлений и желаний, а иногда очевидных и сильных недостатков, представленных без осуждения – может быть, это лучший способ свидетельствования о вере?

В книге очень много афористически-точных, похожих на духовные формулы выражений: “Господь не любит боязливых”, “Это заслуженно, но не полезно”, “Судить о делах настоятеля – не моя мера”, “Там, где неправда, “ура” не кричи”.

Кто-то из святых, кажется, святитель Игнатий Брянчанинов писал, что за неимением духовных наставников учиться надо у книг. Отец Тихон наотрез отказывается относить эти слова к своей книге: “Святитель Игнатий вёл речь о святоотеческой литературе”. Но когда рассказанные истории подсказывают тебе твои собственные недостатки, размыкают болезненные проблемы, развязывают внутренние узлы, предупреждают, то они ведут тебя. Открывают путь. Тот самый Путь. Который Истина и Жизнь.

Александра Пугачева

“БОЖИЙ ЗОВ И ОСОБОЕ ВДОХНОВЕНИЕ. . .”

Личность архимандрита Тихона (Шевкунова) вызывает уважение даже у тех, кто знаком с ним более чем заочно. Выпускник сценарного факультета ВГИКа, автор фильмов “Псково-Печерская обитель” и “Гибель империи. Византийский урок”, наместник московского Сретенского монастыря. Образованный, “творческий человек, который в молодости, в расцвете сил вдруг ох-

ладел к любимому делу и решил посвятить жизнь Богу. Причём произошло это в те годы, когда Православие в нашей стране не было “модным”, когда даже интеллигентным и глубоким людям оно казалось чем-то весьма маргинальным. К краткому портрету отца Тихона хочется добавить его слова, сказанные во время одного интервью: “Художник украшает холст и приносит его в дар людям. Композитор создает музыкальное произведение. А христианин пытается очистить, преобразить свою душу и принести ее Богу. Это самое потрясающее, самое интересное творчество из тех, что есть на земле. Поэтому мне кажется, что все христиане – удивительно творческие люди”.

Книга отца Тихона “Несвятые святые” замечательна хотя бы уже потому, что написана она профессионалом. Это цикл документальных рассказов, связанных между собой образом рассказчика, который одновременно является главным героем книги. Из рассказа в рассказ кочуют и другие “персонажи”, среди которых немало почитаемых в Церкви людей: отец Иоанн (Крестьянкин), “Великий Наместник” Псково-Печерского монастыря архимандрит Алипий (Воронов). Создавая документальное произведение, отец Тихон не пожалел душевных сил и мастерски раскрыл образы своих героев. Поэтому его книга читается как увлекательная повесть, герои которой становятся для читателя близкими людьми. Кого-то из них любишь, над кем-то посмеиваешься, кем-то возмущаешься и абсолютно всем сопереживаешь.

... Отец Тихон рассказывает о настоящих подвижниках Православия – но, пожалуй, ещё важнее то, что он очень честно и подробно рассказывает о собственном духовном пути. Крестившись в двадцать четыре года, он по совету крёстной (уборщицы в храме) на десять дней поехал в Псково-Печерский монастырь, чтобы встретиться с отцом Иоанном (Крестьянкиным). В монастыре молодому человеку назначили послушание: чистить выгребные ямы. Монастырские службы оказались долгими, непонятными и мучительными, причём начинались они около шести часов утра. “Я выдержал все десять дней – ранние подъёмы, послушания, нескончаемые службы с кричащими то и дело под ухом бесноватыми. Не могу сказать, что я сожалел о потерянном времени. Однако в последний день всей душой стремился в Москву... И тут произошло то, что повергло меня в настоящий шок. Когда, впервые за десять дней, я оказался за монастырскими воротами, первым чувством, охватившим меня, было неудержимое желание – бросить сумки и стремглав бежать назад!.. Сделав над собой огромное усилие, я медленно пошёл к автовокзалу, с каждой минутой понимая, что оказался совершенно в другом мире, совсем не в том, который оставил десять дней назад”.

Хочу на несколько мгновений закрыть книгу отца Тихона и поделиться собственными впечатлениями от тех кратких дней, которые довелось мне провести в монастырях. Я всегда ехала туда в поэтично-романтическом настроении, с желанием прикоснуться к жизни Сергия Радонежского или Серафима Саровского и в какой-то малой степени этой жизни вкусить. А участь современного монаха по большей части виделась мне примерно как жизнь иеромонаха Романа (Матюшина): скит, безмолвие, ночь, луна, раскрытая Псалтирь и сочинение прекрасных стихов. И всё это в монастырях я находила: и зримые, и незримые следы присутствия святых, и добрых, чистых людей, и особую молитву, и одухотворённую природу. Но бытовую сторону жизни – ту, которую так трудно вынести даже у себя дома – в монастыре было принять совсем трудно. Неприглядная одежда незнакомых людей, холодная вода в ракумоинике, запах еды в трапезной и особенно почему-то клеёнки на столах – всё это казалось чужим, неудобным, и от этого начинало хотеться домой.

А я могу представить себе вчерашнего студента ВГИКа и образ жизни, к которому он привык. Частые творческие встречи с друзьями за бутылкой вина, много великих, но совершенно “светских” книг, театры, кино, ночные прогулки и многое другое. Чтобы обменять всё это на выгребную яму, а потом на чистку коровника, нужен очень сильный Божий зов и особое вдохновение! А если ещё учесть, что в Псково-Печерском монастыре чуть ли не каждый второй монах был прозорливым (такое впечатление складывается во время чтения книги)? Мне кажется, это очень страшно: когда в любой момент кто-то может поймать тебя на нечистом помысле или чувстве.

“Упоительное ощущение безмятежного счастья и свободы, которую никто не может отнять, осознание предельной защищённости в этом мире, потому что Бог Сам взял тебя за руку и ведёт к необычайной, ведомой лишь Ему це-

ли, – вот что составляет неповторимое состояние послушничества”, – отвечает на это архимандрит Тихон.

Рассказы отца Тихона – очень смелые. И о тех, кого когда-нибудь, наверное, назовут “святыми святыми”, и о своих более “земных” друзьях он пишет без капли ханжества и елейности, часто с юмором, но всегда – с любовью и почитанием. В результате перед читателем предстаёт истинное лицо Церкви: не напыщенное и не умиленно-слезоточивое, а живое, родное, наполненное светом. В нём есть всё человеческое, поэтому не страшно подойти и заговорить. И есть невысказанное, таинственное, Божественное.

В книге архимандрита Тихона на радость читателям описывается множество чудес. Но автор говорит о них без малейшей экзальтации, как о самых естественных событиях: что ж тут такого, если в жизни “несвятых святых” происходят “нечудесные чудеса”? “Как-то один послушник – Саша Швецов – подумывал о том, чтобы оставить монастырь. Отец Серафим подошёл к нему и, топнув ногой, строго прикрикнул: “Нет тебе дороги из монастыря!”

В церковных кругах, в общем-то, не принято много говорить или писать о себе самом. Отец Тихон нарушил это “табу” совсем не из самолюбования. Во-первых, без этого хорошая документальная книга у него попросту не получилась бы. А во-вторых, это единственный доступный нам способ по-новому рассказать о действии Бога в мире. “Один подвижник как-то сказал, что всякий православный христианин может поведать своё Евангелие, свою Радостную Весть о встрече с Богом. Конечно, никто не сравнивает такие свидетельства с книгами апостолов, своими глазами видевших Сына Божия, жившего на земле. И всё же мы, хотя и немощные, грешные, но Его ученики, и нет на свете ничего более прекрасного, чем созерцание поразительных действий Промысла Спасителя о нашем мире”.

Ольга Надпорожская

“СОБЫТИЕ ДЛЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ...”

Выход книги архимандрита Тихона (Шевкунова) – “Несвятые святые”, бесспорно, большое событие. И не только для нашей церковной жизни, но и русской литературы в целом. Это свидетельство её жизненности, несмотря на все смутные и мутные волны массовой культуры.

Вновь и вновь великая русская культура свидетельствует о себе в Церкви. Церковь не есть одна из субкультур, как празднословят некоторые, но, в числе своих характеристик, является подлинным и наивысшим выражением великой классической русской культуры.

Для меня эта книга – эпос. Рассказ о великих подвижниках, молитвенниках и хранителях Церкви и Земли Русской. И ещё – Житие. С большой буквы. Новый российский Патерик.

Задача древней житийной литературы была направлять читателя к Царствию Небесному, быть надёжной лоцией в бурном житейском море. И ещё – пронзать сердце, уязвлять его Христовою любовью.

Один из таких пронзительных рассказов – о епископе Василии (Родзянко), который смиренно направился в далекий сельский храм, чтобы послужить там и духовно укрепить настоятеля, и по пути остановился около лежащего на земле мотоциклиста, только что погибшего в автокатастрофе. Этот мотоциклист не имел возможности ходить в храм, потому что все храмы в округе были разорены и порушены. Но у него был духовный отец.

И этим отцом оказался... сам епископ Василий, чьи выступления по радио слушал этот простой русский человек, считавший его своим духовным наставником. “Владыка зарыдал и склонился над своим умершим духовным сыном” (рассказ “Высокопреосвященный послушник”). О чем этот рассказ? О расставании? Нет, о встрече, но особенной, невидимой и духовной, не о трагедии бытия, а о Кресте и Воскресении, победе над смертью, над её мнимым торжеством.

Удивителен тот обет послушания, который дал владыка Василий – быть в послушании у каждого человека, если просьба его по силам и не противоречит Священному Писанию. Этот обет послушания мог направить его на даль-

ную окраину Москвы – к скромной советской бабушке, до которой всё не мог добраться её приходской священник, чтобы освятить квартиру, или же в Коломенскую область, за 400 верст от Москвы, чтобы поддержать молодого иерея в его активной деятельности. И, читая рассказ о Тихоне о почившем владыке Василии, невольно вспоминаешь о папе Григории Великом, который земно кланялся простым палестинским монахам-паломникам, или о святителе Спиридоне Тримифунтском, который сам омывал ноги своим гостям, уже будучи епископом.

В моей юности мне выпало счастье видеть владыку Василия и немного общаться с ним, когда он посетил семинар монахини Елены Казимирчак-Полонской в Ленинграде в 1990 г.

Мне запомнилась удивительное величие Владыки, каким-то непостижимым образом соединённое с сердечной простотой и доступностью. С простым студентом он мог общаться так же, как и с лицами, облечёнными саном и властью, и в то же время ты понимал, кто перед тобой. И свидетельствую, что образ, живописанный о Тихоном, исторически подлиннен и жизненно достоверен.

И ещё запомнился великий покаянный дар Владыки. В один из своих приездов в Россию он прочёл покаянную молитву за своего предка – председателя Государственной Думы Михаила Васильевича Родзянко, одного из виновников Февральской катастрофы.

Читая книгу о Тихоне, я с радостью вновь встречаюсь с родными и близкими мне людьми. Знакомым и родным явился облик “всероссийского солнышка” о. Иоанна Крестьянкина – удивительно благостного, сердечно отзывчивого, прозорливого и принципиально-строгого одновременно. Но узнавание соединялось с познанием про те страшные пытки, которые пережил о. Иоанн в застенках МГБ.

И тем сильнее и пронзительнее рассказ о том, что о. Иоанн бросился на шею пришедшему на очную ставку настоятелю своего храма, прекрасно при этом зная, что тот явился причиной его ареста и всех его страданий. Настоятель рухнул в объятия о. Иоанна, и очная ставка не состоялась.

Перечитывая этот абсолютно правдивый рассказ, понимаешь, что встреча Христа и Иуды в Гефсиманском саду – не далёкое и отвлечённое от нас событие, а жизненный факт, повторяющийся в жизни святых и праведников. А равно и молитва Христа о распинателях.

О. Иоанн всю жизнь молился за своего следователя, кстати, тоже Ивана Михайловича, который ему все пальцы переломал на следствии. И воистину, “сердце его было исполнено той могущественной, таинственной и всепрощающей любви, которую принёс распятый Христос. Он скрывал в себе тайну новых мучеников и исповедников российских: “Батюшка говорил, что годы, проведенные в лагере, были самые счастливые годы его жизни.

– Потому что Бог был рядом! – с восторгом объяснял батюшка. Хотя, без сомнения, отдавал себе отчет, что до конца мы понять его не сможем.

– Почему-то не помню ничего плохого, – говорил он о лагере. – Только помню: небо отверсто и Ангелы поют в небесах. Сейчас такой молитвы у меня нет”.

То, что в “Колымских рассказах” Шаламова осмысляется как величайшая русская трагедия, страшная и безысходная, в повествовании о Тихоне явлено как русская Голгофа и одновременно – Пасха Святой Руси. Сравним слова “небо отверсто и Ангелы поют в небесах” с пасхальной стихирой “Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить”. Это воистину тайна, которую нам до конца не постигнуть.

Как показывает в своем рассказе о Тихоне, самые слова о. Иоанна раскрывались не сразу. Зачастую сбывались через годы. Вспоминаю, как он благословил меня заниматься историей через некоторое время, сказав: “Пускай посмирят себя на филологическом факультете с надеждой, что впоследствии будет заниматься любимым делом”. Эти слова сбылись через 16 лет.

Помню, в 1987 г. он сказал об одной эмигрантке: “А беда повсюду идёт, и ни в какой Америке от неё не спрячешься”. Глядя на современный стремительно глобализирующийся мир, его конвульсии и страшную близость к конечной катастрофе, трудно не поразиться прозорливости великого старца.

Завершает рассказ рассуждение о Тихоне: “Мы с отцом Дионисием, ожидая начала службы, говорили о том, как велика милость Божия к нам,

и как неисповедим Промысл Божий. Кто знает, чему мы были сейчас свидетелями? Или тому, как отец Иоанн из иного мира через владыку вразумил “одного из чад своих неразумных”, как он однажды назвал меня в одном из своих писем. Или, быть может, мы сейчас встретили еще одного сокровенного подвижника и раба Божия, которыми не оскудеет Христова Православная Церковь до скончания века”.

Книга, “как в некоей малой капле вод”, отражает русскую народную жизнь от дореволюционной эпохи до наших дней. Удивительно переданы воспоминания монахини Евфросинии о дореволюционном Дивеево, о революции и гонениях. А один из рассказов действительно достоин вхождения в Пролог – о нерадивых монахах-пьяницах, которых большевики хотели заставить попать Крест и Евангелие, а затем отпустить на все четыре стороны.

Вперёд вышел игумен с испитым лицом и сказал: “Ну что же, братия, жили как свиньи, так хоть умрем как христиане”. И ни один из них не сдвинулся с места. В тот же день все они были зарублены шашками. Тут все – и грехи служителей Церкви, и всенародный соблазн, и дьявольское его использование, и мученический подвиг, казалось бы, отпетых грешников. Подвиг искупительный.

Удивительны и рассказы о “советском архимандрите” Алипии – доблестном солдате Великой Отечественной, который обрёл свою веру под немецкими пулями и снарядами. Он вспоминал, как рядом с ним рухнул на колени неверующий политрук и стал молиться. Действительно, приходят времена, когда начинают молиться все.

Книга написана замечательным, благоуханным русским языком, кажется, что читаешь Нилуса или Никифорова-Волгина. Временами рассказы пронизаны тонким, незлобивым юмором. Например, это характерно для рассказа “Вредный отец Нафанаил”. Особенно великолепны сцены крестного хода на выборы или посещения наместником о. Гавриилом кельи о. Нафанаила.

Вкратце говоря, все же о чём эта книга? Да о том, что “Иисус Христос вчера и ныне Той же и вовеки”. И о другом – о таинственной жизни Святой Руси во Христе. И Святая Русь Христова – при любом строе, при князьях и царях, коммунистах и демократах – вчера и ныне та же и вовеки.

Светлана Шепель (Юнжакова)

ЦЕРКОВЬ НЕ С ПАРАДНОГО ВХОДА

“Уйти в монастырь”. За этими словами для многих – разочарование, тоска, лишенная красок мрачная картина. У отца Тихона всё наоборот.

“Почему же мы пришли в монастырь и всей душой желали остаться здесь навсегда? – пишет он о себе и своих друзьях по монашеской юности. – Мы хорошо знали ответ на этот вопрос. Потому что каждому из нас открылся прекрасный, не сравнимый ни с чем мир. И этот мир оказался безмерно притягательнее, нежели тот, в котором мы к тому времени прожили свои недолгие и тоже по-своему счастливые годы”.

Что же это за мир и чем он так притягателен? Что за люди его населяют и чем они от нас отличаются? После книги архимандрита многое откроется в этих непростых вопросах даже далекому от церкви человеку.

В книге – ничего придуманного. Люди – реальные, иногда очень известные, с именами и фотографиями. Истории – практически документальные. Смешные, драматичные. И удивительные. Потому что подчиняются совсем непривычной логике.

Здесь много чудес. Но они очень органичны для автора, его героев и тех законов, по которым строится их жизнь. А чем глубже в книгу погружаешься, тем понятнее становятся те законы. И что-то важное, что казалось утраченным или недостижимым, приходит к тебе. Это как в конце детства, когда вдруг начинаешь понимать: мир устроен так, что все самое светлое остается лишь в сказках. А в “Несвятых святых” вот это прекрасное и волшебное разворачивается на самом деле в реальной жизни. Стоит лишь протянуть руку и сделать шаг навстречу, и ты сам окажешься в этом мире.

В центре повествования – Промысл Божий, совершающийся в нашей жизни. Его действие в книге зачастую раскрывается через старцев – архимандрита Иоанна (Крестьянкина), немецкого барона архимандрита Серафима, “вредного” отца Нафанаила, схиигумена Мелхиседека... Старцы – само по себе удивительное явление. А тут – редкая возможность многое узнать о них от человека, который с ними близко общался, был свидетелем и участником поразительных историй, связанных с даром этих людей.

Написать интересно для других о чуде, которое пережил сам, пожалуй, так же трудно, как увлечь слушателя собственными сновидениями. Но вот отцу Тихону удалось. Да так, что сама его книга похожа на чудо. Ведь в ней все вроде бы не по правилам. Нет, например, единого сюжета, который скреплял бы эти многочисленные зарисовки и эссе, а оторваться от чтения невозможно. И хочется перечитывать книгу, вновь встречаться с её героями, осмысливать их мир, его правду и силу.

Вот один из ярких героев книги – бывший наместник монастыря, ныне архиепископ Гавриил. И характер, и судьба нелегкие. С такими крутыми поворотами, что нарочно не придумаешь. Но столько в нём веры и трогательного чувства, что начинаешь испытывать к нему такую же нежность, как и автор.

Он вообще обо всех своих персонажах рассказывает с любовью. Так ведь в том мире принято.

В книге встречаешь Русскую Церковь не в официозе, не в парадно-помпезных службах, а в ее жизни с Богом. Это – самое главное. Именно это и дает возможность обитателям того удивительного мира совершать поразительные открытия, о которых рассказывается в книге. Важно еще, что в ней напрочь отсутствует какая-либо назидательность. А сам автор располагает где-то в стороне и совсем не стремится стать главным героем книги. Он лишь свидетель событий, летописец.

Нет здесь и обычной для современной православной литературы елейности. Напротив, герои книги способны на самые решительные, зачастую жесткие поступки. И еще – эта книга очень радостная. Она о самых сокровенных сторонах жизни монахов и русских монастырей. Это – бестселлер, написанный православным монахом. И в то же время, что тоже удивительно, это традиционная русская проза, с неожиданно прекрасным литературным языком.

Валерий Коновалов